

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. Историко-экономическая тенденция в российской философии в начале XX столетия была широкой областью различных концепций социального развития. Их общая черта выбирала экономический фактор как главную цель социального развития.

В ходе историко-экономической тенденции экономичный детерминизм был сформирован как вариант одностороннего объяснения исторического процесса.

Экономический материализм был самой популярной тенденцией в историко-экономической тенденции в начале XX столетия.

Различные концепции социального развития, созданные в пределах структуры историко-экономической тенденции в российской философии в начале XX столетий, проанализированы в статье.

Ключевые слова: экономический детерминизм в своих разновидностях русской мысли начала XX столетия (М.Н. Покровский, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, В.И. Ульянов-Ленин, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский): общее и особенное, место и роль в общей истории.

R. Podol

THE HISTORIC-ECONOMIC TREND IN RUSSIAN PHILOSOPHY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The historic-economic trend in Russian philosophy at the beginning of the XX century was a wide scope of different conceptions of social development. Their common feature was singling out the economical factor as the main objective of social development. In the course of historic-economic trend, economical determinism was formed as a variant of one-sided explanation of historical process.

Economic materialism was the most popular tendency in historical-economical trend at the beginning of the XX century.

Different conceptions of social development, created within the framework of historic-economic trend in Russian philosophy at the beginning of the XX century are analyzed in the article.

Key words: Economic determinism in the versions of Russian thought of beginning XX of century (M.N.Pokrovsky, N.I.Kareev, M.M.Kovalevsky, V.I.Ulyanov-Lenin, P.B.Struve, M.I.Tugan-Baranovsky): the general and especial, a place and a role in the general history.

Существенное влияние экономических отношений на общественное развитие подчеркивалось во все времена существования исторической науки. И, тем не менее, формирование самостоятельного экономического направления в европейской социологической мысли, было напрямую связано с эпохой становления капиталистических социально-экономических отношений. Дело в том, что нарождающееся капиталистическое общество самым существенным образом отличалось от всех предшествующих этапов развития мировой истории. Оно знаменовало собой переход от исторически традиционной формы *натурального хозяйства* к товарной форме производства, ориентированного, прежде

всего, на внешний рынок с целью получения максимальной прибыли. Вследствие этого, капиталистическая система хозяйства обусловила бурную индустриализацию производства, интернационализацию торговли и финансовой системы, качественно изменивших характер социальных отношений во всех сферах общественной жизни, а в глобальном масштабе, и вектор дальнейшего развития всемирной истории.

Естественно, что социальные науки отреагировали на эти динамично развивающиеся процессы усилением внимания к анализу экономических основ общественного бытия. При этом следует подчеркнуть, что исследованиями экономической сферы общественной жизни стали активно заниматься не только профессиональные философы и экономисты, но и социологи, историки, демографы, культурологи, словом, представители всех отраслей общественнознания. Благодаря этому, историко-экономическое направление к началу XX столетия представляло собой широкий диапазон довольно дисперсивных концепций и теорий, часто базировавшихся на различных мировоззренческих и методологических подходах к анализу общественного бытия. Многообразие этих подходов, в свою очередь, обуславливало довольно принципиальные различия в оценках роли экономического фактора в развитии всемирной истории и его значения во взаимодействии всех остальных сфер общественной жизни. Признание экономического фактора в качестве доминирующей основы общественного и исторического развития было типичным для многих социологов (тогда – фактически – разработчиков общих знаний о социуме), но это отнюдь не означало, что все они были столь же единодушны в придании ему исключительной роли в развитии всех без исключения сторон целеполагающей жизнедеятельности человека. Именно здесь, на стыке противопоставления духовно-нравственных и экономико-материальных оснований человеческого бытия и возникали основные разногласия в оценках роли и значения экономического фактора. Можно сказать, что это был принципиальный научный спор между сторонниками *монофакторного* и *полифакторного* подходов к анализу общественного развития.

В русле историко-материалистических течений традиционно значительным влиянием пользовалась концепция *экономического детерминизма*, представляющая собой разновидность монофакторного подхода к познанию и объяснению всемирного исторического процесса. В начале XIX века ее разделяли очень многие экономисты и социологи, научные взгляды которых принципиально расходились с идеалистическими толкованиями исторического процесса и во многом сближались с материалистическим пониманием истории. Но поскольку, далеко не все из них были последовательными материалистами, то многие экономические детерминисты весьма настороженно, а некоторые и критически относились к теории *исторического материализма*, представленной ее творцами как *диалектическая* разновидность материалистического понимания истории. И здесь необходимо оговориться, что *материалистическое понимание истории*, как мировоззренческая позиция в социологии, и *исторический материализм*, как социологическая теория, разработанная К. Марксом, – понятия разновеликие и по содержанию, и по генезису. Материалистическое понимание истории, наряду с его антиподом – историческим идеализмом, вершиной которого, как известно, явилась диалектика Г. Гегеля, начали формироваться задолго до науки XIX века, детищем которой является, в частности, и исторический материализм К. Маркса.

Необходимо подчеркнуть, что с *экономическим детерминизмом*, за длительный период существования этой научной разновидности материалистического понимания истории, очень тесно соприкасались самые разнообразные концепции, считавшие экономику определяющим фактором в развитии общества. Именно этим «экономисты», как их называл В.И. Ленин, самым существенным образом отличались от сторонников географического, биологического, демографического и иных разновидностей детерминиз-

ма, составлявших все многообразие историко-материалистических течений. В конечном счете, это обособление негативным образом сказалось на исторической судьбе самого экономического детерминизма, поскольку, чем больше это течение рафинировалось от других историко-материалистических течений, тем уязвимее для критики становилось само понятие «экономический детерминизм». Именно поэтому, в начале XX века *экономический детерминизм* стал восприниматься его многочисленными оппонентами как сугубо монофакторный взгляд на историю, наделяющий экономический фактор абсолютно демиургическим влиянием на все, без исключения, стороны общественной жизни, лишая все другие материальные факторы общественной эволюции какой-либо самостоятельности и существенной значимости.

Теория исторического материализма, сформировавшаяся в первые десятилетия 2-й половины XIX века, своим ярко выраженным диалектическим монизмом сразу же противопоставила себя всем полифакторным историческим концепциям, но при этом она смутила и значительную часть не последовательных социологических материалистов. Не уловив принципиального различия, почти все социологи плюралистических воззрений, критически относившиеся к любой разновидности материализма, сразу же, без каких либо оговорок, стали отождествлять *исторический материализм* К. Маркса с *экономическим материализмом*, как определенной разновидностью экономического детерминизма. При этом их не смущал тот факт, что сами основоположники исторического материализма, в своих трудах крайне редко пользовались термином «экономический материализм».

Но все же определенные основания для такого отождествления, безусловно, были и исходили они, зачастую, от авторитетных ученых, совершенно искренне причислявших себя к представителям марксистской мысли. Отождествление исторической теории К. Маркса с *экономическим материализмом* для многих из них определялось стремлением, с одной стороны, – подчеркнуть ее принципиальное отличие от *экономического детерминизма*, а с другой, – обратить внимание на ее диалектико-материалистическую сущность.

Для примера уместно сослаться на брошюру «Экономический материализм» (1906), написанную видным историком-марксистом М.Н. Покровским (1868-1932). В ней автор допускает вполне определенное отождествление основополагающих понятий: «Экономическим», или иначе, – «историческим» материализмом, – подчеркивает он, – называется такое понимание истории, при котором главное, преобладающее значение придается *экономическому* строю общества и все исторические перемены объясняются влиянием *материальных* условий, *материальных* потребностей человека» [1, 3].

Ссылка на данную работу М.Н. Покровского, переизданную без каких-либо изменений в 1920 и 1923 гг. [2], позволяет судить о том, что многие социологи марксистской ориентации не видели существенного различия в терминологии «экономический» и «исторический» материализм. Тем самым создавался прецедент для критики марксизма в излишнем преувеличении роли в истории именно экономического фактора и игнорировании других факторов общественного развития.

В этом отношении показательна книга известного русского историка и социолога Н.И. Кареева (1850-1931) «Критика экономического материализма (Старые и новые этюды)» [3]. Являясь страстным противником монофакторного подхода в историческом познании, он отводит *экономическому материализму* довольно ограниченное место в теоретическом исследовании исторического процесса. «От экономического материализма в тесном смысле, – писал Н.И. Кареев, – нужно отличать экономическое направление в историографии, которое выражается не столько в теоретическом провозглашении экономики основной истории, сколько в особом интересе к экономической жизни» [3, 4-5].

Эта ссылка на Н.И. Кареева очень многое проясняет в интересующем нас вопросе. Действительно, к началу XX века «особый интерес к экономической жизни», интерес к экономической истории России и стран Западной Европы привлекал внимание историков и социологов самых разных методологических подходов и мировоззренческих ориентаций. К примеру, в 1903 г. известный русский историк Е.В. Тарле (1875-1955), в статье «Чем объясняется современный интерес к экономической истории» писал: «Никто не будет спорить, что в настоящее время ни одной стороной исторического процесса так не интересуются, как именно историей социально-хозяйственной» [4].

Среди сторонников историко-экономического направления было немало приверженцев позитивистской методологии. В связи с этим, уместно назвать известного русского историка, этнографа и социолога М.М. Ковалевского (1851-1916), который в своих фундаментальных экономических исследованиях исходил из того, что социально-экономические отношения представляют собой фундамент любого общественного организма.. Но этот основополагающий тезис он, в последующем, сопровождал критическим отношением к монофакторному анализу истории. Так, в книге «Развитие народного хозяйства в Западной Европе», при анализе экономической эволюции общества, он склонялся к тому, что экономический фактор, в свою очередь, во многом зависит от демографических закономерностей. «Продолжительные изыскания, – писал он, – привели меня к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения» [5, 2].

Как видим, в этой позиции значительно большее предпочтение отдается не экономическому, а демографическому детерминизму. И, вместе с тем, хорошо известно, что К. Маркс высоко оценивал позитивное значение экономических исследований М.М. Ковалевского, более того, их связывала длительная творческая дружба. На основе этого, некоторыми исследователями делались выводы о близости научной позиции М.М. Ковалевского к историческому материализму К. Маркса, но, думается, для подобных выводов нет достаточно весомых оснований. Уже отмечалось, что связь экономического материализма с диалектико-материалистическим пониманием истории, или иначе, – марксизмом, нельзя понимать упрощенно.

Экономический материализм, как разновидность материалистического течения в социологии, является отражением *обществоведческой* экономической мысли, предшествующей появлению исторического материализма К. Маркса. Важнейшей особенностью марксистского исторического учения является фундаментальный анализ генезиса, природы и глубинной сущности капиталистической общественно-экономической формации. Все же предшествующие историческому материализму экономические концепции были основаны на анализе докапиталистической истории и поэтому многие из них, разработанные ведущими экономистами Европы, в своей сущности очень мало общего имели с формационной теорией К. Маркса.

Подобное обстоятельство в значительной степени применимо и для более взвешенной оценки научного наследия М.М. Ковалевского. Действительно, он в своих воспоминаниях отмечал, что без личного знакомства с Марксом, он, вероятно, не занимался бы изучением экономической истории Европы, а сосредоточился бы сугубо на анализе социальных отношений, что более всего соответствовало его позитивистским устремлениям. «Но встречи с Марксом, – признавался как-то М.М. Ковалевский, – постоянно поддерживали во мне убежденность в научной правоте концепции экономического материализма» [6, 19] .

Заметим, что, несмотря на дружеские отношения с К. Марксом, он проявил полное равнодушие к его формационной теории, оставаясь приверженцем *полифакторного* подхода к анализу общественного развития. Все это лишний раз подтверждает, что в

научной деятельности, как и в личной жизни, все складывается значительно сложнее, чем может казаться стороннему наблюдателю. Представляется, что М.М. Ковалевский, безусловно, высоко ценивший гений К. Маркса, приверженцем марксизма никогда не был. Более того, как экономист и социолог, он, будучи поклонником позитивной философии О. Конта, считал ее подлинной вершиной научного подхода в историческом познании. Именно это, во многом, и предопределяло его критическое отношение к историческому материализму.

Симпатизируя К. Марксу как гениальному мыслителю, он, тем не менее, оценивал его вклад в экономическую теорию капитализма с сугубо позитивистских позиций. В одном из своих писем он замечает: «Жаль только, что он был и остается гегельянцем и что научные его положения написаны на песке. Я прочел в Карлсбаде большую половину его книги, которую он подарил мне (имеется в виду «Капитал», отправленный Марксом Ковалевскому в 1875 г. – Р.П.) и нашел в ней новое подтверждение тому, что всякое отклонение от позитивного метода... неизбежно ведет к часто бессознательному заблуждению» [7, 78].

М.М. Ковалевский не разделял также выводы К. Маркса об усилении роли классовой борьбы в развитии истории, а революционный способ общественных преобразований он оценивал как социальную патологию. Вместе с тем он был сторонником идеи общественного прогресса, считая его объективной исторической закономерностью. По М.М. Ковалевскому, прогрессивная тенденция в истории имеет необратимый характер, поскольку все другие социальные факторы могут только либо задержать, либо ускорить ход прогрессивного развития истории, но никак не отменить его. Свое видение роли экономического фактора в мировом историческом процессе М.М. Ковалевский изложил в фундаментальной работе «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» [8]. Думается, однако, что если бы и капиталистический способ производства стал предметом его (М.М. Ковалевского) пытливого научного анализа, то это, безусловно, повлияло бы самым существенным образом на трансформацию его полифакторных экономических взглядов.

Разработкой теоретических проблем политической экономии активно занимались и представители т.н. «легального марксизма». Об этом, весьма популярном в конце XIX – начале XX века идейно-политическом течении написана масса научной литературы, значительная часть которой в советской исторической науке отражала и официальную идеологию. Но, в той исторической реальности их заслуга в критике экономических и политических идей народничества с позиций научного марксизма подчеркивал даже сам вождь большевизма В.И. Ульянов-Ленин. Его оценка научного вклада представителей «легального марксизма» в развитие отечественной историко-экономической мысли, несомненно, является наиболее точной, хотя в политическом контексте, на наш взгляд, она представляется сегодня не вполне объективной. «Это были буржуазные демократы, – писал он, – для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму» [9, 96].

С учетом знания того, чем обернулся для России драматический социальный эксперимент с пролетарским «социализмом» в его большевистском понимании и, что теперь Россия вновь обречена на поиски своего пути, но вновь к капиталистическому либерализму, подобная политизированная оценка научных позиций «легальных марксистов» воспринимается совсем иначе... Но подобные наши теперешние суждения, преисполненные главным образом субъективными эмоциями, и «задним числом» к научному исследованию, никакого отношения, конечно, не имеют. Поэтому продолжим анализ идей легального марксизма. И без лирических отклонений.

Одним из главных идеологов и теоретиков «легального марксизма» по праву считается видный социолог и экономист П.Б. Струве (1870-1944), принадлежавший к тем представителям историко-экономического направления, которые в то время активно выступали за самое радикальное обновление теории исторического материализма. Это, по его мнению, было обусловлено новыми историческими условиями, существенно изменившими основные тенденции развития капиталистических общественно-экономических отношений, по сравнению с классической стадией развития капитализма, фундаментально исследованной К.Марксом.

Основываясь на этом, П.Б. Струве считал, что «чисто философского обоснования» марксизма еще не дано, поскольку и диалектика, и материализм оказались «одинаково несостоятельными перед судом философской критики» [10, 343]. Дальнейшее развитие исторической теории марксизма П.Б. Струве предлагал осуществлять на основе интеграции экономического фактора с другими наиболее важными материальными основами общественной эволюции. В частности, придавая превалирующее историческое значение демографическому фактору, в статье «Проблема роста производительных сил в теории социального развития» (1909) [11] он сформулировал тезис о том, что в основе развития производительных сил общества лежит рост народонаселения: «Рост населения, – заявлял П.Б. Струве, – есть фактор столь же материальный, сколько и рост производительных сил, но, несомненно, по существу более первичный, и поэтому в учете первичных моментов его следует, рассуждая отвлеченно, поставить раньше, чем рост производительных сил. Рост производительных сил есть как бы процесс приспособления к тому положению, которое для той или иной человеческой группы создается ростом населения. Таким образом – как это не представляется на первый взгляд странным в виду известного крайне отрицательного отношения Маркса к Мальтусу и его учению – в основу экономического материализма в смысле Маркса должна быть положена та же мысль, которая является основой и для учения Мальтуса» [11, 472].

Как видим, для более полного анализа социологических воззрений П.Б. Струве важно обратить внимание на его попытку дополнения марксизма научными идеями мальтузианства. И в этом методологическом синтезе он усматривал определенные перспективы для развития научного познания исторического процесса.

Впрочем, свою историко-экономическую концепцию П.Б. Струве формировал прежде всего в ходе принципиальной полемики с народниками, что нашло свое воплощение в работе «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894). Получившая широкую известность, она стала предметом глубокого критического разбора в статье В.И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». В этой статье Ленин серьезно упрекал автора книги, прежде всего, за абстрактный, сугубо метафизический анализ экономического фактора, лишенный, на его взгляд, самого важного, – учета социально-политических условий, обеспечивающих его историческое развитие.

Думается, что в этой критике экономических взглядов П.Б. Струве политический аспект тоже в значительной степени довлел над теоретическим анализом. И это объяснимо, поскольку П.Б. Струве, причислявший себя к неортодоксальному марксизму, выступал категорически против обоснования позитивной роли социальных революций в разрешении экономических противоречий, неизбежно возникающих на различных исторических этапах общественной эволюции. Тем самым, преодоление неизбежных, с точки зрения исторического развития, экономических противоречий он не связывал с обострением классовой борьбы и с необходимостью социальной революции. Наиболее наглядно эта позиция была им представлена в книге «Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.» (1913). Выдвигая в ней идею естественного

врастания крепостнических экономических отношений в капиталистическую систему хозяйства, П.Б. Струве, как и многие другие приверженцы экономического материализма, считал, что революционные социальные потрясения губительны для динамичного экономического развития.

Не менее значимой фигурой в экономическом течении «легального марксизма» был М.И. Туган-Барановский (1865-1919). Свои концептуальные социально-экономические взгляды он изложил в своих ранних программных статьях: «Значение экономического фактора в истории» (1895) и «Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса» (1899). Уже в них обозначились серьезные разногласия М.И. Туган-Барановского с политической стороной марксистской экономической теории, о чем также свидетельствовала его работа «Теоретические основы марксизма», появившееся в печати в 1905 году. Примечательно, что ее последнее, четвертое издание было опубликовано сразу же после октябрьской революции (в 1918 году), что свидетельствовало о несомненной научной актуальности заявленной проблемы.

Важным этапом в становлении научной позиции М.И. Туган-Барановского явилось также написание им учебника «Основы политической экономии», который был весьма популярен в начале XX века, и, с момента своего первого выхода в свет в 1909 году, многократно переиздавался, но самых серьезных научных успехов М.И. Туган-Барановский достиг в своих исследованиях по истории развития капиталистических отношений в России. Этой важной теме он посвятил свой фундаментальный труд «Русская фабрика в ее прошлом и настоящем. История развития русской фабрики» (1898).

Следует отметить, что в своих научных исследованиях М.И. Туган-Барановский никогда не скрывал приверженность к экономической теории К.Маркса, поскольку он осознавал, что более глубинного и всеохватного анализа сущности *капитала* в социологической науке не существует. Но при этом он, как и все «легальные марксисты», всячески стремился дистанцироваться от революционной направленности марксизма, считая это наиболее абстрактной, политизированной частью целостной теории исторического материализма. Исходя из этого, он сформулировал свой гносеологический тезис, сводившийся к тому, что в экономическом анализе всемирного исторического процесса «нужно пойти дальше Маркса, но через Маркса» [12, 973].

В этот призыв: пойти «дальше Маркса», но непременно – «через Маркса» М.И. Туган-Барановский вкладывал совершенно определенный смысл. С одной стороны, – в нем звучало признание, что принцип материалистического понимания истории разработан в марксизме глубже и последовательнее, чем в какой либо иной социологической теории. Но, как уже подчеркивалось, политико-идеологическую составляющую марксистского учения М.И. Туган-Барановский считал научно несостоятельной. В «Очерках из новейшей истории политической экономии и социализма» он пишет об этом вполне определенно: «Маркс объясняет законами экономического развития не только историю, но он требует построить систему практической политики на основе познания законов исторического развития. Он пытается поставить на место *социального идеала – социального предвидения*» [13, 279].

Впрочем, нельзя не отметить, что историко-экономические взгляды М.И. Туган-Барановского были разбавлены значительной долей психологического детерминизма, что существенно отдаляло его научную концепцию от теории исторического материализма. Это особенно наглядно проявилось в его представлениях о социализме как закономерной ступени общественного развития. В книге «Социализм как положительное учение» он писал: «Пренебрежение к *социальному идеализму* (курсив наш – Р.П.) не только теоретически неправильно, но и практически вредно. Теоретически неправильно потому, что в своей практической работе марксизм столь же мало может обойтись без социального

идеала, как и другие исторические общественные движения. Практически же вредно потому, что великая борьба требует и великого напряжения сил личности. Откуда же человеческая личность может взять эти силы, как не из преданности идеалу?» [14, 283]

Эта цитата нагляднее всего подтверждает вывод о том, как сближались позиции сторонников *экономического материализма с историческим материализмом* К. Маркса, когда они придерживались принципа экономического детерминизма в объяснении основных движущих сил мировой истории. И вместе с тем она убедительно свидетельствует о том, как существенно отдалялись их позиции, когда *экономические материалисты* пытались объяснить волевою мотивацию целенаправленной человеческой деятельности в интеллектуальной и духовной сферах общественной жизни лишь нравственной приверженностью людей к социальному идеалу.

В концепции М.И. Туган-Барановского такая раздвоенность проявилась наиболее отчетливо, всякий раз, когда он пытался доказать, что превращение социалистического учения из утопии в науку лишило марксистскую историческую теорию ореола романтической борьбы за идеалы социализма. «Хотя будущее также подчинено закону причинности, как и прошедшее, – писал он, – хотя будущие события с такой же роковой необходимостью вытекают из настоящих, как настоящие из прошедших, все же психологическая неуверенность в будущем навсегда остается основанием нашей деятельности. А, следовательно, и социальное предвидение не только не может заменить в качестве мотива к общественной борьбе социального идеала, но наоборот, социальное предвидение, если бы оно было полным, означало бы собой прекращение всякой произвольной деятельности» [14, 281].

В конце концов, М.И. Туган-Барановский и пришел к выводу, который фактически перечеркивает изначальную материалистическую направленность его историко-экономических взглядов: «Предстоит великое возрождение утопического социализма» [14, 283] – именно этим сомнительным пророчеством завершал он свою работу «Социализм как положительное учение». Словом, социализм представлялся М.И. Туган-Барановскому неким вселенским возрождением гуманистических идеалов. Поэтому гибель капитализма неизбежна, но не по причине обострения классовых противоречий, а потому, что он препятствует совершенствованию моральной природы человека и прогрессу социальной свободы личности.

«Человечество идет к социализму, – убежденно заявлял М.И. Туган-Барановский, и несомненно, его достигнет. Быть может, мы уже приближаемся к социализму. Но, во всяком случае, к социализму всего ближе наиболее культурные народы, с высоко развитым чувством долга и общественной солидарности, с сильными моральными интересами и с высоким уровнем народного просвещения. Для отсталых народов требуется некоторая подготовительная школа» [14, 126]. Да, почти в каждой строчке желаемое выдается за научное утверждение.

Завершая обзор историко-экономических взглядов видных русских социологов начала XX века следует сделать вывод о том, что их научное наследие быть может поможет нам сегодня более объективно оценить нынешнюю историческую реальность и более верно наметить перспективы исторического развития современной России в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Покровский М.Н. Экономический материализм. М., 1906.
2. Покровский М.Н. Экономический материализм. Пг., 1920.; Он же: Экономический материализм. М., 1923.
3. Кареев Н.И. Крика экономического материализма. (Старые и новые этюды) //Н. И. Кареев. Собр. соч. в 3-х т. СПб., 1911-1913. Т. 3. СПб., 1913.

4. Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 17. Стлб. 739.
5. Ковалевский М.М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899.
6. Ковалевский М.М. Две жизни. // Вестник Европы. 1909, № 7.
7. Цит. по: Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. М., 1960.
8. Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства.. М., 1898-1903. Т. 1-3.
9. Ленин В.И. Предисловие к сборнику « За 12 лет» . Полн., собр., соч. Т. 16.
10. Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
11. Струве П.Б. Проблема роста производительных сил в теории социального развития // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому... М., 1909.
12. Туган-Барановский М.И. Основные ошибки абстрактной теории капитализма Маркса // Научное обозрение. 1889. № 5.
13. Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1907.
14. Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение. Петроград., 1918.